

МАРИЦА АВАКОВА

БЛАГОДАРЯ И ВОПРЕКИ



Аннотация

Жена крупного бизнесмена, Ирина, счастлива и любима. Позади остались трудные годы борьбы за жизнь и за счастье ее дочери от первого брака. Но тени прошлого снова напоминают о себе, и ей опять приходится сражаться за безопасность своих близких. Несмотря на предательство близкого человека и на многочисленные попытки ее убить, она не теряет веры в людей и оптимизма. Враг силен и подл, но она справится с ним вопреки всему и благодаря любви, которую невозможно в ней уничтожить.

Марина Авакова

Благодаря и вопреки

Душа, никогда не страдавшая, не может постичь счастья! Преодолевая трудности, ты становишься счастливее.

Жорж Санд

Как же она любила море! Спокойное и ласковое, манящее своей голубой тайной, штормовое и грозное, пугающее своей мощью, освещенное солнцем и чернеющее под грозowymi тучами. Для нее море было живым существом, с которым она разговаривала, здоровалась и прощалась, благодарила за счастье, которое испытывала, погружаясь в него, слыша плеск его вод, вдыхая его запах. Море было ее страстью, вспыхнувшей в раннем детстве, дающей ей силы жить. Она начинала скучать по нему, не успев уехать. И день отъезда домой превращался для нее в трагедию, исправить которую можно было, только приехав сюда снова. Эту же страсть она передала своей дочери, каждый раз суеверно бросающей в таинственную глубину монетки, в надежде на следующую встречу.

Но на этот раз море ее не радовало. С самого приезда сюда ее не отпускало ощущение тревоги. Муж сорвал ее неожиданно. Она только приехала с

побережья. Все лето она занималась обустройством дома у самого моря — мечты всей ее жизни. Дом стоял на холме у самого пляжа. И она по несколько раз в день сбегала по крутой тропинке, ведущей от дома, чтобы окунуться в прохладную зеленовато-голубую воду. Она загорела до черноты, медные волосы выгорели, нос облупился. Наконец, в начале сентября все было готово, и она с грустью покинула так полюбившееся ей место. На будущий год можно было приехать сюда всей семьей, привезти друзей и родителей. Дома ее ждала работа, семья, накопилось множество дел. Но не прошло и нескольких дней, как муж сообщил, что они уезжают.

— Куда? — она оторвалась от перевода, плохо соображая, что он ей говорит.

— Мы едем в Батуми. У меня там дела, и я хочу, чтобы ты поехала со мной. — Что-то было не так в его голосе и взгляде, в том, как он стоит, покачиваясь с пятки на носок.

— Что-нибудь случилось? — Она закрыла ноутбук и встала.

— Ничего, родная, — он обнял ее, — просто я три месяца тебя практически тебя не видел, и соскучился. Ведь нет ничего плохого, если мы проведем вместе несколько дней?

Она ему не поверила, но ничего не сказала. Если он не хочет посвящать ее в свои дела, то расспросы точно не помогут.

Они сняли номер в одном из самых дорогих отелей Батуми. Муж был нежен и внимателен. Море — чистое и спокойное. Но ощущение надвигающейся опасности не отпускало. Где-то внутри нее поселился холодный червячок, который становился все больше и холоднее, и ей хотелось схватиться за желудок горячими руками, чтобы унять боль. Несколько раз она уже испытывала подобное, и это чувство ее ни разу не подводило. Однажды, когда дочка была еще маленькой, они отдыхали на море. С ними был ее отец. Отдых подходил уже к концу, но была такая прекрасная погода, что они решили продлить его еще на несколько дней. В то утро они загорали на пляже. Море было тихое, теплое, у самого горизонта отсвечивало розоватым блеском. Она вошла в воду, с наслаждением погрузилась в бархатную воду, поплыла и вдруг испугалась. Она повернула назад и в панике выскочила на берег.

— Ты чего? — удивился отец, наблюдая, как она лихорадочно собирает с горячих камней вещи.

— Папа, надо уезжать, как можно быстрее!

Отец ей тогда не поверил, уговаривал остаться, дочка тоже хныкала, но холодный червячок все разрастался. Они остановили маршрутное такси прямо на трассе и через пять часов были в Тбилиси. На следующий день из утренних новостей они узнали, что ночью начался

ужасный шторм, и домики на прибрежной линии, где они жили, унесло в море.

Они пришли с пляжа, пообедали в ресторане гостиницы, и, окончательно осовев от солнца и вкусной еды, повалились на кровать. Сейчас, лежа на прохладных простынях, она смотрела в огромное окно. Было слишком много красок: море, насыщенного синего света, ярко-голубое небо, на котором оранжево-желтым полыхало солнце, сочно-зеленые деревья и пурпурно-фиолетовые рододендроны. И все это сверкало и переливалось, и казалось, что вот-вот расплавится и потечет разноцветными ручейками и смешается в огромную перламутровую массу. Утром все это было нежным, пастельным и прохладным, а сейчас, в середине дня, дышало нестерпимым жаром. Она повернулась к мужу: то ли спит, то ли притворяется, она не поняла. Что-то его тревожит в эти последние дни. Он напряжен с той самой минуты, как неожиданно объявил ей, что они едут на море. За те пять лет, что они вместе, она ни разу не чувствовала неуверенности и страха. Ей было с ним так хорошо и спокойно, что иногда казалось, что она спит. Вот сейчас сон закончится, и ее снова обступят заботы и тревоги: хватит ли денег на репетиторов для дочери, будут ли у нее самой ученики, пришлют ли переводы, сможет ли она скопить денег, чтобы летом хотя бы на две недели повезти ребенка

отдыхать, а потом подготовить его к школе. Целых шесть лет после развода с первым мужем забота о дочери, страх, что она не сможет ее прокормить, одеть, дать ей достойное образование не давали ей расслабиться.

Саша все изменил. Ей было надежно и спокойно. Она была прикрыта им со всех сторон. Он постепенно заставил ее забыть обо всем плохом, сделал ее уверенной в себе и в своем будущем женщиной, счастливой от сознания того, что она нужна и любима. От него исходила ровная сила, основанная на уме, интеллекте и деньгах, которые при наличии первых двух качеств, решали все проблемы легко и как бы само собой.

Однако сейчас его лицо было напряжено, губы плотно сжаты, а на виске нервно пульсировала голубоватая жилка. Он смотрел на какую-то только ему видимую точку на стене и был где-то далеко.

— Ты чего, Ириш? — он перевел глаза на Ирину и улыбнулся.

— Саша, что-нибудь случилось? — она провела рукой по его лицу.

— С чего ты взяла? Все нормально. Небольшая проблема в бизнесе, но я ее решаю. — Она не поверила.

— А зачем мы сорвались из города и приехали сюда?

На его лбу собрались морщины, он снова

напрягся, взгляд потемнел и стал тяжелым. Потом усилием воли лицо приняло прежнее выражение спокойной силы.

— Потому что я люблю тебя, и мне захотелось побыть с тобой несколько дней вдвоем.

Он потянулся к ней, надежный, любящий, жаркий. И на какое-то время она перестала тревожиться и сомневаться.

Ирина снова взгляделась в мужа. Сейчас его лицо было спокойно. Он спал, но она снова почувствовала непривычный холодок в груди.

* * *

Как странно устроен человек, думала она, ощущая на плече дыхание спящего Саши. Ей всегда нравились мужчины его типа: большие, высокие, надежные. А вышла замуж за маленького, «карманного мужчину», по словам своей любимой университетской преподавательницы. Да еще по большой любви, со страстями, скандалами и бурными примирениями. Они были вместе семь лет, и пять из них она была счастлива, как корова. Было много хорошего и много смешного.

Они так любили друг друга, и так были поглощены этой любовью, что незнакомые люди на улице желали им счастья. Они проводили много времени с ее подругами, и он, повязав на себя

фартук, готовил им свои фирменные блюда. Было весело и страшно вкусно.

Когда родилась их дочь, пациенты, как в кинотеатре, собирались у экрана монитора, когда он с ней разговаривал: в палаты тогда отцов не пускали. После родов она написала записку с просьбой принести памперсы и одеяло. На следующий день в палату вошла растерянная старшая медсестра.

— Вам холодно? — обратилась она к Ирине.

Ирина в недоумении посмотрела на раскаленный радиатор и ответила, что наоборот.

— Тогда зачем вам еще одно одеяло?

Ирина молчала, соображая, что происходит.

— Ваш муж устроил в приемной скандал. Он требует, чтобы мы передали вам шерстяное одеяло, потому что вы здесь мерзнете. И угрожает нас всех уволить! — Казалось, ее возмущению не было предела.

Ирина расхохоталась.

— Я просила детское одеяльце, а он решил, что одеяло нужно мне! — сообразила она.

После кесарева сечения шрам плохо заживал, и он каждый вечер и каждое утро обрабатывал ей рану и делал перевязки.

Как-то после встречи с друзьями сильно навеселе он упал в ванной и расшиб себе голову и бровь. Кровь заливала глаза, лицо. Ирина билась от

испуга в истерике. Ее родители повезли его в больницу. Хирург оказался страшным приколистом и, накладывая на бровь швы, прикрепил марлю бантиком. Когда утром муж проснулся, оказалось, что он ничего не помнит. Разъяренная Ирина решила было устроить грандиозную разборку, но муж моргнул, и края бинта заколыхались, как крылья у бабочки. От хохота она опустилась прямо на пол, а «бабочка» порхала с каждым движением век...

Но сейчас память отказывалась вспоминать светлую сторону их жизни и подсовывала только плохое. Вечный халат по субботам и воскресеньям. Сказки о потерянных или украденных у него деньгах. Слюнявые поцелуи и тошнотворный запах перегара после частых попоек. Постоянные опоздания с работы и снова вранье о деловых встречах. Слова свекрови «Заимел бы богатую любовницу, чтобы она нас содержала». И звонок этой любовницы, в подробностях описывающей ее, Ирины, спальню. И наконец, ее уход, а вернее бегство с ребенком из квартиры мужа в семь утра. Он делал вид, что спит и ничего не слышит...И еще много всяких омерзительных мелочей, которые вылезали из памяти и заставляли вздрагивать от отвращения и обиды. Но все это позже, когда пришло полное осознание конца. Любовь стала уходить постепенно, сначала были первые редкие

звоночки, когда чувство разочарования как острый нож прорезало все ее существо, но растворялось в привязанности, совместном быте, заботах о ребенке. Потом стало расти раздражение, чувство обиды, неудовлетворенность, которые полностью вытеснили любовь и привели к полному равнодушию. Она была готова к разрыву, но не могла сделать первый шаг. Она жила в надежде на то, что все рассосется само собой, без ее вмешательства. Поэтому, когда она узнала о любовнице, женская обида быстро сменилась чувством радости от освобождения и отсутствия собственной вины: не она бросила, а ее вынудили уйти. Сейчас, спустя много лет, Ирина понимала, что это было не очень честно с ее стороны, но не особенно себя корила. При всем том, что никаких иллюзий по отношению к бывшему мужу она не питала, она наивно думала, что после развода они расстанутся цивилизованно: у них был общий ребенок, ответственность за которого им нужно было нести вдвоем. Но так думала она одна. Он с готовностью исчез не только из жизни Ирины, но из жизни дочери. С концами, без встреч и звонков. Сначала она не поняла и пыталась успокоить ребенка фразами, типа «папа тебя очень любит, просто он сейчас очень занят». Она наивно думала, что когда в нем говорит чувство оскорбленного мужского достоинства: перебесится, успокоится и

вспомнит про дочь. Но она ошиблась и в конце концов поняла, что мужу все это просто не нужно. Точка невозврата наступила тогда, когда она увидела глаза ее четырехлетней дочери, ожидавшей в течение 15 минут, когда папа подойдет к телефону и услышавшей лицемерные слова ее бабушки, что «папа, оказывается, ушел, а я не заметила». Тогда Ирина поняла, что никогда не простит и никогда не забудет. Нельзя простить боль, причиненную ребенку. Потому что ничем и никогда нельзя излечить травму, нанесенную предательством отца. Рана заживает трудно и медленно: «Мама, а ты меня не бросишь?», «Мама, а ты с работы вернешься?», «А сегодня в школе меня спросили, кто мой папа, а я ответила, что у меня папы нет»... А шрам останется навсегда. И собственное бессилие перед этой детской болью, и желание убить, когда видишь лицо дочери, наблюдающей, как чужой папа завязывает шарфик на шее своего чада...

Потом ее Вика загорелась желанием выдать ее, Ирину, замуж. У ее родителей был небольшой магазинчик рядом с их домом. Как-то Вика, ей было лет пять, заходит домой и выдает:

— Ты знаешь, сейчас к дедушке в магазин пришел какой-то мужчина и спрашивает: «У вас нет свободных женщин? Я жену себе ищу»!

Ирина смеялась и плакала одновременно. Но

статус «свободной женщины» держался за ней почти шесть лет. Ирина делала все, чтобы Вика чувствовала себя комфортно: и дело вовсе не в том, чтобы она ни в чем не нуждалась. Слава Богу, судьба в лице ее сестры наделила Ирину потрясающим зятем, который делал для Вики все, что в его силах. Ирина старалась быть и была для своей дочери не только матерью, но и другом. Каждый вечер перед сном, они долго шушукались и хихикали, рассказывали друг другу обо всем, что их радовало или беспокоило, и затихали только после возмущенных криков бабушки: «Ирина! Завтра ребенку в школу, а вы дурака валяете! Ни днем ни ночью от вас покоя нет!»

Ирина четко определила границы своего личного пространства: дочь, родители, друзья. В ее жизни появлялись мужчины, но срок их присутствия зависел от того, как долго они не пытались эти границы нарушить. Стоило кому-нибудь из них произнести: «Ну, подождет твой ребенок», «Мне хотелось бы, чтобы ты уделяла мне больше внимания», или просто дать понять, что он ждет от Ирины нечто большего, чем то, что она была готова дать, то отношения резко, а порой и грубо заканчивались. Ирина отдавала себе отчет, что это ее психологический «сдвиг». Но менять ничего не собиралась. Спокойствие дочери и собственная независимость от мужчин стали той

опорой, которая помогала жить, и той стеной, которая защищала ее и Вику от новых переживаний.

А потом появился Саша. Ирина вместе с сестрой, зятем и несколькими его друзьями сидели в какой-то кафешке. Друзья приехали в их город впервые, бегали по улицам с фотоаппаратами, снимались на фоне храмов, катались на канатке. Ирина устала и хотела домой. Она давно потеряла интерес к разговору, который скатился к обсуждению предстоящих деловых встреч, и обвела зал глазами. Ее в упор, не стесняясь, рассматривали. Ирина отвела взгляд. Через какое-то время снова посмотрела в сторону мужчины: «Может, знакомый?» Тот поймал ее взгляд, улыбнулся. Улыбка хорошая, открытая, ничего оскорбительного. Стараясь не казаться хамкой, Ирина вежливо улыбнулась в ответ и забыла о нем, увлекшись разговором с сестрой о проблемах школьного образования. В итоге они пришли к неутешительному выводу, что прежде, чем принимать на работу педагогов, их необходимо проверить у психиатров.

— Как ты думаешь, надолго они завелись, — спросила она у сестры, кивнув в сторону мужчин.

— Не знаю, — пожалала Нина плечами. — А что?

— Нин, я устала, и голова болеть начинает. Я

незаметно улизну.

— Одна?

— Можно подумать, за дверями очередь насильников и убийц выстроилась! Машину поймаю и через десять минут буду дома.

Чмокнув Нину, она быстро бросила в сумку мобильник и сигареты и выскользнула из кафе. Уже стемнело, но эта часть города была ярко освещена. Туристический центр старого Тбилиси был прекрасен и днем и ночью. Маленькие узкие улочки, кафе и рестораны, церкви и храмы, купола Царских серных бань, Кура, в водах которой отражалось все это великолепие... Все это Ирина любила до безумия. Но любила наслаждаться этим не в шумной компании, а в одиночестве, спокойно и без суеты. Она прошла к реке, оперлась о перила и стала смотреть на воду, святящуюся огнями, казалось бы, изнутри.

— Красиво. А вы на этом фоне еще прекраснее. — Он смотрел на нее и улыбался.

Высокий, широкоплечий, крупный. Лет сорока. Черты лица по-европейски правильные. Не суетится, стоит, как ни в чем не бывало, как будто имеет на это право. Обычно в подобных случаях Ирина давала понять, что продолжать разговор не намерена, и старалась уйти. Но на этот раз уходить не хотелось. Как ни странно, человек вызывал доверие. На всякий случай Ирина решила показать

когти:

— Не люблю людей, льстящих шаблонами. Красиво — да, а я смотрю на себя в зеркало и знаю, сколько мне лет.

Он рассмеялся:

— Если бы вы ответили по-другому, я был бы разочарован. Но вы либо лукавите, либо у вас занижена самооценка. Давайте заключим перемирие: вы соглашаетесь немного со мной погулять, а я не буду говорить о том, как вы мне нравитесь.

Ирина собралась отказаться, но он опередил ее.

— При первом же вашем требовании, я отвезу вас домой.

Он сказал «домой», а не «куда вы скажете», и это почему-то на нее странно подействовало. И они гуляли по ночному городу, говорили обо все и ни о чем. И ей было спокойно и надежно. И не надо было быть настороже, можно было смеяться, когда смешно, и ласкать подбежавшую собаку, и смотреть на небо и на него без опасения, что он не так поймет. Когда она устала, он сам, не спрашивая, сделал короткий звонок, и через несколько минут подъехала машина, и он отвез ее домой. Саша позвонил через два дня, сказал, что купил билеты в 3Д и что Ирина и Вика должны быть готовы через 3 часа. Он приехал за ними вместе со своим сыном

Давидом, года на два старше ее дочери. Они хрустели попкорном и шарахались от летающих чудовищ, а после фильма ели в парке мороженое. «Так не бывает!» — вертелось у нее в голове. Но оказалось, что бывает. Дети подружились, а Ирина впервые за столько лет не разрывалась между дочерью и понравившимся ей мужчиной, и не защищала свое пространство, потому что Саша сразу же стал его частью. Сашина жена и мать Давида жила в Англии с новым мужем. Поэтому и угрызений совести Ирина не испытывала. Он очень просто сделал ей предложение, и она так же просто, не раздумывая, согласилась. «Так не бывает!» — думала она по ночам, утром снова жила этой своей новой жизнью и новыми ощущениями от того, что все проблемы решаются Сашей легко, и это не проблемы вовсе, а так, одно удовольствие. Прошло пять лет, и Ирину все реже посещало это чувство нереальности. Дети выросли, Давид продолжил учебу в Лондоне, Вика училась в Москве, в ГИТИСе, на актерском факультете. Она была талантлива, умна и красива той внутренней красотой, которую в девятнадцатом веке называли одухотворенностью. Саша занимался бизнесом. Как она узнала позже, он был не просто, а очень богат. Ирина была классным переводчиком, и, поняв, что жена не может целыми днями бегать по магазинам и косметическим салонам, Саша открыл для нее

переводческое бюро. Наконец-то, она стала заниматься любимым делом не потому, что нуждалась в деньгах, а потому, что это доставляло ей удовольствие. Хотя сознание того, что она самостоятельно зарабатывает и не сидит на шее у мужа, грело ее душу и самолюбие. Саша посмеивался, но не мешал, а наоборот, помогал и давал дельные советы. Фирма процветала. Он умел предугадывать ее желания, чувствовать перепады настроения, переводить в шутку назревающие конфликты. Он показал ей Флоренцию и Рим, он исполнил ее мечту и повез ее в Иерусалим. Бродя по древним улицам священного города, она, наконец, поверила, что так все-таки бывает.

* * *

Очень хотелось курить. Ирина встала, взяла с журнального столика сигареты и зажигалку, вышла на балкон и закурила. Чувство тревоги навалилось с ново силой. Рука, державшая сигарету, дрожала, а ее вкус показался ей горьким. Внезапно она услышала какой-то щелчок, повернулась и сквозь стекло балконной двери увидела, как дверь, ведущая из номера в коридор, осторожно открылась. Это было невозможно, так как двери были оборудованы электронными замками, открыть которые можно было только с помощью

специальной карты. Она резко вошла в комнату и закричала. Она кричала всегда, когда ее что-то неожиданно пугало. Она понимала, что это не только некрасиво, но и неприлично. Но сделать с собой ничего не могла. Особенно Ирина боялась летающих и ползающих тварей. И стоило какой-нибудь мохнатой бабочке сесть на нее, она издавала дикий вопль, пугающий родных, соседей и прохожих на улице. Крик вырывался еще до того, как она осознавала размеры опасности. На это раз эта ее способность реагировать пронзительным воплем на неожиданную угрозу спасла жизнь ей и Саше. От неожиданности мужчина выронил пистолет, на мгновение застыл на месте, а потом выскочил в коридор. За дверью раздались выстрелы. Из спальни выбежал Саша.

— Что случилось? — он тряс ее за плечи, стараясь привести во вменяемое состояние.

Не в силах выговорить ни слова, Ирина пальцем указала на пистолет. Саша как-то сразу осунулся и побледнел.

— Я не успел... Не успел... — то ли прохрипел, то ли простонал он.

В дверь стучали, из коридора доносились громкие голоса, и в номер ворвалось несколько человек. Новый охранник мужа с оружием в руках, несколько перепуганных служащих и администратор отеля. Ирине казалось, что все это

происходит не с ней. Она повернулась к мужу в надежде, что он сейчас решит все проблемы. Но Саша повел себя странно. Он сел на диван и закрыл лицо руками. Ирина как-то интуитивно поняла, что надо разбираться самой. Она набросилась на администратора.

— Как это понимать! — она показала жестом на пистолет. Вы уверяли, что ваш отель абсолютно безопасен! А ко мне в номер врывается убийца с пистолетом руке!

Охранник нагнулся и протянул руку к оружию.

— Не смей! — закричала Ирина. — Вызывай полицию!

Охранник выпрямился и уставился на нее. Администратор в растерянности стал мямлить что-то невразумительное. Сквозь открытую дверь виднелись неестественно вывернутые ноги лежащего на полу мужчины. Из-под него медленно, как при замедленной съемке, растекалась кровь...

Как там у Ильфа и Петрова? — Остапа несло? Так вот, стало нести Ирину. Это еще одно уникальное свойство, доставшееся ей от отца. Она могла долго сдерживаться, терпеть, но наступал какой-то момент, когда ее прорывало, и остановиться она уже не могла. При этом Ирина как будто видела себя со стороны и вполне трезво оценивала ситуацию. Она определяла это, как

своеобразное раздвоение личности: одна сторона бушует, а вторая наблюдает.

Ей надо было отвлечь внимание от Саши, который находился в непонятной ей странной прострации. Это ее пугало, и чтобы не поддаться панике, которая постепенно начала ее охватывать, она стала топтать ногами, кричать и ругаться. Администратор пытался ее успокоить, поил водой, она делала несколько глотков и продолжала ругаться, краем глаза наблюдая за мужем. К приезду полиции Саше удалось взять себя в руки. Усилием воли он стряхнул с себя оцепенение, вышел в спальню, и вернулся уже в джинсах и майке. На лице снова появилось привычное для нее выражение силы и уверенности в себе.

Тело в коридоре осмотрели и унесли, пистолет бережно упаковали в целлофановый пакет, посторонних из номера вытолкали.

— А где ваш охранник? — спросил следователь.

Ирина и Саша переглянулись. В суматохе они не заметили, что охранник мужа странным образом испарился из номера.

— Может, в коридоре ждет? — предположила Ирина и поймала на себе ироничный взгляд мужа. Он знал что-то такое, о чем Ирина даже не подозревала. Ее начала охватывать злость. В конце концов, это нечестно с его стороны. Он явно знает,

что происходит. И не очень даже удивлен. Впервые за совместную жизнь с Сашей у нее появилось ощущение, что ее используют. Ирина потрянула головой, стараясь отогнать неприятную мысль.

— Надо успокоиться и взять себя в руки, — сказала она себе. Встала с кресла, попросила следователя разрешения выйти, чтобы привести себя в порядок: Ирина до сих пор была босиком, в легком парео, небрежно обмотанном вокруг тела. В ванной она умылась холодной водой, прошла в спальню, натянула на себя бриджи и легкую маечку, сандалии. Эти обычные действия помогли ей немного успокоиться. В гостиную она вышла в сравнительно адекватном состоянии, только руки сводило легкой судорогой, и чтобы они не дергались, она просто подложила их под себя. Сидеть было не очень удобно, но это все же лучше, чем трястись как паралитик. Следователь снимал показания с Саши. Человеку постороннему, каковым и был следователь, могло бы показаться, что Саша полностью владеет собой, честно и добросовестно отвечает на все вопросы. Но Ирина видела, что беседуя со следователем, муж о чем-то напряженно думает.

Саша который коротко сообщил, что спал и проснулся от крика жены. Мужчину с пистолетом не знает, почему он влез к ним номер, понятия не имеет. «Имеет, — подумала Ирина, — но не

говорит». Саша вообще казался вялым и заторможенным, как будто в нем сломался стержень, защищающий ее в течение всех этих лет. «Нам не привыкать, — мелькнуло у нее. — Сейчас моя очередь».

Отпустив Сашу, следователь занялся Ириной. В отличие от мужа, Ирина дала подробные показания, еще раз мысленно прокручивая последние события.

— Муж всегда ездит с охраной. Он крупный бизнесмен. Охранник одновременно выполнял и функции водителя. Это он нас привез. Где он находился после того, я с мужем вошла в номер, я понятия не имею.

Она показала, где она стояла на балконе, когда увидела убийцу. Следователь встал на то место, которое она указала.

— Да, вы могли его видеть. Тень от тента закрывает весь балкон, и освещение здесь и в номере почти одинаковое, — проговорил он.

— Вы что, думали, что я вру? — возмутилась Ирина.

— Нет, конечно, но я должен был проверить.

Они снова вошли в номер. Ирина чувствовала себя полностью разбитой. Ей так хотелось, чтобы ее обняли, успокоили, пожалели. Но Саша был в спальне, оттуда доносился его приглушенный голос. Ирина поняла, что он говорит по телефону.

Через несколько минут он появился в дверях, бледный и хмурый. Сел в кресло, нервно вертя в руках мобильный.

«Интересно, куда делся этот новый охранник. И откуда он взялся сразу после ее крика? Не стоял же он под дверью с пистолетом наготове? И зачем ему надо было стрелять наповал? И почему их вообще кто-то хотел убить? И что вообще, черт возьми, происходит? И что делать дальше?» Мысли сменяли друг друга с такой быстротой, что Ирину затошнило. Она закурила. У следователя зазвонил мобильный. После непродолжительной беседы он поднял на нее просветлевший взгляд.

— Ну что ж, могу вас обрадовать. Тело опознали. Дело, скорее всего, раскрыто по горячим следам. Ваш гость — местный наркоман со стажем. Скорее всего, нужны были деньги на дозу.

«Дурак или прикидывается? Или возиться не хочет? Не дождется!» — промелькнуло у Ирины.

— И откуда, по-вашему, у наркомана оружие? Как он открыл дверь? У него, что, была универсальная карта? И как он вообще прошел фейс контроль? А куда делся наш охранник, который его застрелил? Муж не может ему дозвониться! — Ирина бросала вопросы, одновременно наблюдая за реакцией следователя и Саши. Если первый недоволено морщился на каждый ее вопрос, то Саша отреагировал только на

слова об охраннике. В отстраненном взгляде мелькнуло что-то, похожее на беспокойство. Но он, как ни странно, поддержал следователя.

— Ириш, чтобы достать деньги на дозу, наркоманы идут и не такое. — Он повернулся к следователю.

— Спасибо, если это все, то мы хотели бы остаться одни. Жена очень устала и перенервничала.

На лице следователя сначала промелькнуло изумление, а потом облегчение. Он заторопился, собрал бумаги и почти побежал к выходу, сообщив напоследок, что завтра им обоим будет необходимо зайти в отделение и подписать бумаги.

— И что это значит? — Ирина встала напротив мужа.

Он тяжело поднялся с дивана.

— Не сейчас, мне надо все обдумать.

— Пока ты будешь обдумывать, я соберу вещи. Мы переезжаем! — Сообщила она. — Я не могу и не хочу здесь оставаться! Второго покушения я не вынесу!

Он внимательно всмотрелся в нее и неожиданно согласился.

— Я помогу тебе. — Сказал он, вставая и вытаскивая из шкафа чемодан.

Ирина позвонила Натке, близкой подруге, у которой в городе была огромная, доставшаяся ей от

бывшего мужа, квартира, и которая давно уже приглашала их провести лето у нее.

— Слушай, Натусь, у нас неприятности. Мы переезжаем из этого отеля. Мы могли бы приехать к тебе?

— Да, конечно. Я здесь сейчас одна, дети разъехались, а я осталась, погода больно хорошая. А что случилось? — затараторила Натка.

— Потом. Сделай еще одно доброе дело, заезжай за нами, я не хотела бы пользоваться нашим автомобилем.

Саша посмотрел на нее с удивлением, а потом одобрительно хмыкнул. «Наконец-то возвращается к жизни, признаки умственной деятельности налицо», — отметила Ирина, засовывая в чемодан купальник и пляжное полотенце.

* * *

Натка приехала на своей старенькой машине, они погрузили вещи и отправились к центру города. Она была удивительной женщиной, умеющей дружить со всеми: с бывшими мужьями, свекровьями, министрами и уборщицами. Пухленькая, беленькая, веселая, говорливая. О ней вспоминали и в горе и в радости. В ее присутствии страдания переносились легче, а радость ярче. Ирина понимала, что подругу распирало от

вопросов, но видя их лица, она сосредоточенно смотрела на дорогу и молчала. Уже стемнело. Жара спала, город с его насыщенными дневными красками превратился в сверкающую ночную сказку.

Пока, забравшись в глубокое старое кресло, Ирина рассказывала Натке о том, что произошло, Саша, заперся в ванной и говорил по телефону. Она не могла слышать слов, но, судя по интонациям, он полностью пришел в себя, что-то объяснял и отдавал четкие распоряжения. Ирине стало немного легче. Ее знобило. Натка закутала ее в плед, заставила выпить немного коньяка. Ирина позвонила родителям, сообщила, что у них все в порядке. Потом сделала звонок дочери, та долго не отвечала, так что Ирина начала волноваться, но Вика все же отозвалась. Оказалось, что она уже спит.

— Мам, что-нибудь случилось? — спросила она, громко зевнув.

Пришлось врать, что все замечательно.

— Я просто хотела услышать твой голос. Я тебя очень люблю! Спокойной ночи!

— Я тоже тебя очень люблю, мам. — Сонно ответила дочь.

Давиду можно было не звонить. Она говорила с ним днем, в той, прошлой жизни, до всего этого кошмара.

Натка пошла на кухню готовить ужин.

Из ванной вернулся Саша.

— Тебе надо поспать. Часа три. Больше не получится. Потом ты уедешь. Ты будешь во всем слушаться человека, который тебя отсюда вывезет. Это друг. — Он говорил отрывисто, резко, давая понять, что его слова обсуждению не подлежат.

— А ты? — ей было наплевать на его тон.

— А я буду решать проблемы. — Он сжал зубы так, что Ирине показалось, что они закрипели. Саша притянул ее к себе. — Я сделаю все, что в моих силах. Я не могу сейчас всего тебе рассказать. Скажу только одно, чтобы ты знала, откуда опасность и чего остерегаться. Это Раневич. Эта сволочь не успокоится, пока жив.

Ирина вздрогнула.

— Раневич? Ведь прошло шесть лет, и я ничего о нем не слышала! — Ее начала охватывать паника.

Саша усмехнулся.

— Зато я, к сожалению, слышал. И не один раз. И запомни, ты — ни при чем. Это я во всем виноват. Прости. Слишком долго и трудно сейчас все объяснять и рассказывать. Знай только одно: я очень люблю тебя и Вику. И еще: если со мной что-нибудь пойдет не так, присмотри за Давидом! — При этих словах он мягко улыбнулся, глядя ей в глаза. — Хотя этого можно было и не

говорить, ты и так его не бросишь.

Вот в эту минуту Ирина испугалась по-настоящему. Значит это не ее большое воображение. И может быть следующая попытка. И Саша это знает, он ожидал этого, но не так скоро. Тогда понятно, что значили его слова, что он не успел. Не успел чего?

— Саша, я просто требую объяснений! — топнула она ногой и схватила мужа за руку. — В конце концов, я имею право знать, что происходит!

— Имеешь, но позже! — Саша высвободил руку. — Я обещаю, что в свое время ты все узнаешь.

За ужином все молчали. Аппетита не было, но Ирина заставляла себя есть. Саша внимательно посмотрел на нее.

— А ты молодец. Все сделала правильно. И поняла все правильно. Спасибо. — Глухо проворил он.

— Зато сейчас я ничего понимаю. Согласись, что недостаток информации тормозит умственную деятельность и порождает комплекс неполноценности. — Попыталась пошутить она.

— Раз ты начала шутить, то тебе явно лучше, — улыбнулся он. Улыбка получилась кривая и неестественная. — А сейчас пойдешь приляг и постарайся поспать. — Он снова взялся за телефон.

Как ни странно, она заснула почти сразу. Разбудил ее приглушенный шум голосов. Она вышла в гостиную и увидела несколько человек. Почти все были ей незнакомы, кроме старого телохранителя мужа, Миши, и близкого друга семьи, адвоката Георгия Алексеевича, который вел дела еще ее покойного свекра. Они сидели за столом и что-то обсуждали. Дядя Миша проверял пистолет. Увидев ее, засунул его в карман кожаной куртки. Натка стояла, прислонившись к стене, бледная и перепуганная.

— Господи, Натусь, на тебе лица нет! Втянули тебя невесть во что! — бросилась к ней Ирина.

— Ничего. — Натка вымученно улыбнулась.

У Саши зазвонил телефон. Ирина механически отметила, что это не его айфон, а громоздкий смартфон сомнительной марки. Он быстрыми шагами подошел к входной двери и открыл. В комнату вошел мужчина лет сорока. Высокий, крепкий, коротко стриженный. Двигался неторопливо, уверенно, с грацией дикого зверя.

— Как ты прошел в дом? — спросил Саша, крепко пожимая руку вошедшего.

— Через соседний подъезд и чердак. Меня никто не видел. — Он повернулся к Ирине. — Уходить будем так же. — Он протянул Ирине руку. — Дима.

Глаза. Таких глаз Ирина никогда не видела.

Ярко-синие, с холодным блеском, они смотрели на нее, и ей казалось, что считывают с нее информацию, о которой она сама в себе не догадывалась. Он ждал, что она не выдержит, никто не выдерживал. Но взгляда она не отвела. Смотрела прямо и немного насмешливо, как будто поняла, чего он добивается. «Понятно, почему Раневич беснуется. С ней просто так не справиться. На вид женственная, мягкая, а внутри что-то от волчицы, способной перегрызть глотку в любой момент. Она о себе это знает, но тщательно скрывает от окружающих» — размышлял он.

— Возьмите с собой только самое необходимое. Уходим через полчала. Надо успеть до того, как начнет светать. Он протянул Ирине новый телефон. — Старым больше не пользуйтесь. Перепишите сюда необходимые номера. Свой телефон после этого выключите, SIM карту вытащите. — Велел он.

Ирина вопросительно посмотрела на мужа. Тот согласно кивнул. Она молча пошла собираться. Как там говорила Скарлет О'Хара? «Я подумаю об этом завтра»! Если она будет сейчас страдать, рыдать и гадать, что происходит, то просто сойдет с ума. И не будет она показывать этому синеглазому свою слабость. Не дождется! — думала она, запихивая вещи в сумку. Минут через десять в комнату вошел Саша. Он протянул ей толстую

пачку денег и папку.

— На первое время должно хватить. В папке документы. Я перевел на тебя и детей деньги и имущество. Когда все закончится, вы ни в чем не будете нуждаться.

— Все настолько серьезно! Ты говоришь так, будто прощаешься! — Произнося это, Ирина не ждала ответа, это были мысли вслух. Саша подошел почти вплотную, провел рукой по ее волосам.

— Ириш, независимо от того, как все закончится, мне надо будет на какое-то время исчезнуть. — Произнес он тихо. — Месяц назад Георгий помог оформить наш развод, помнишь, ты подмахнула не глядя несколько бумаг?

— Как оформил развод? Зачем? И почему я ничего не знаю? — Опешила Ирина. — Ты что, знал все заранее? — Он попытался обнять ее, но она отпрянула. Впервые за все время их совместной жизни она почувствовала себя преданной. И это было так страшно, что она обхватила себя руками, старясь унять боль в груди.

Саша кивнул:

— Что-то знал, о чем-то догадывался. Просто не успел. Меня опередили. Дима расскажет тебе все подробно. У меня духу не хватает. Прости меня.

Ирина стояла неподвижно. Не хватало воздуха, и она дышала ртом, но спазмы в груди не проходили. Саша бросился к ней, прижал к себе,

вдыхая ее запах и стараясь запомнить навсегда. Черт возьми, кто же знал, что он так ее полюбит!

* * *

У лестницы на чердак они остановились. Никто не сказал больше ни слова. Дима пожал руку Саше, и повернулся к Ирине.

— Я пойду первым, вы — за мной.

Прежде чем скрыться за узкой дверцей чердака, Ирина оглянулась: Саша стоял, подняв голову, и так на нее смотрел, что она чуть не расплакалась. Лучше бы она не оборачивалась! Наверху ее уже ждал Дима. Он крепко взял ее за руку и потянул за собой. Ирина попыталась вырвать руку:

— Я сама, — проговорила она сквозь зубы.

Дима еще сильнее сжал ее ладонь и, не поворачиваясь, тихо проговорил:

— Здесь масса железного хлама и полно летучих мышей. Если споткнетесь — грохот услышат, если закричите — будет еще хуже. Поэтому идите молча и будьте внимательны.

Раньше при одном упоминании о летучих мышях Ирина подняла бы визг. Сейчас она только стиснула зубы и зажмурилась, полностью доверившись своему проводнику и прислушиваясь к легкому шуршанию под крышей.

— Можете открыть глаза, — услышала она, — спускаться будет легче.

Они прошли весь чердак и стояли у лестницы, ведущей в другой подъезд. Дима спустился первый, помог Ирине. Они очутились в точно таком же, пахнущем кошками подъезде, и через несколько минут осторожно вышли на улицу. Начинался рассвет, очертания домов и деревьев были расплывчаты и как бы дрожали в прохладном влажном воздухе. У Наткиного подъезда стояли две машины. Одна большая, семиместный джип, на котором приехали люди Саши. Вторая поменьше — наблюдателей. Их пасли. Дима и Ирина незаметно завернули в переулок. Дима наконец отпустил ее руку и сделал знак следовать за ним. Они прошли два квартала, он приблизился к мощному внедорожнику, припаркованному под широкой магнолией. Прежде, чем сесть в серебристый Лексус, Ирина почувствовала сладкий запах ее цветов. «Все», — подумала она и захлопнула дверцу.

Они выехали из города и поехали по направлению к Тбилиси. Ирина молчала. Дима краем глаза наблюдал за ней. Он достаточно хорошо знал людей. Но то, как она держалась, вызывало уважение. Не суежилась, не задавала вопросов. По тому, как она смотрела в ветровое стекло, он понял, что она не видит дороги. Во

взгляде явно читалась работа мысли. Она обрабатывала информацию, ворочила свалившиеся на нее факты и выстраивала их в неведомую ему цепочку. Саша сказал ему, что она ничего не знает. По крайней мере, он жене ничего не говорил и тщательно скрывал все, что творилось в его жизни последнее время.

«Интересно, почему он ей ничего не рассказал? Слишком любил и берег, или было трудно во всем признаться? Скорее, и то и другое вместе. Интересно, о чем она сейчас думает? Лучше рассказать ей все, с самого начала. Все равно сама докопается, а так я смогу контролировать ситуацию. А то выкинет что-нибудь», — размышлял он, ведя машину по влажному от утренней росы асфальту. Дима знал об Ирине уже лет пять, с той самой минуты, как она вышла замуж за Александра Мгеладзе, которого разрабатывал его отдел.

Крупный бизнесмен Александр Мгеладзе, получивший многомиллионное состояние от своего отца, был замечен в связях с быстрорастущей сектой американского происхождения, распространяющей свое влияние по всему миру. Секта действовала с размахом, имела большое количество участников, разветвленную сеть церквей, групп-лидеров и прочих вспомогательных организаций. Ее пытались запретить в России,

однако она упорно лавировала между законодательными актами, прикидываясь то коммерческой, то религиозной, то некоммерческой, то лечебной или учебной организацией. На счету у этой секты числились убийства, похищения людей. В ее руках сосредоточились крупные капиталы, а, как известно, где большие деньги, там и большая власть. Усиление влияния религиозной организации беспокоило не только российские власти, но и руководителей стран постсоветского пространства. Поэтому между этими странами и Россией была заключена договоренность о совместной работе, на базе Главного управления ФСБ был создан отдел, координирующий работу групп во всех этих странах. Именно в этой группе работал подполковник Дмитрий Самойленко.

Он родился и вырос в Тбилиси. Обожал этот город и его жителей. Его детство и юность прошли в одном из самых старых и живописных районов Тбилиси, где дружно жили грузины, армяне, евреи, русские, азербайджанцы, изиды. На их узенькой улице, на которой не смогли бы разъехаться две машины, все друг друга знали, ссорились, мирились, помогали друг другу, шутили, и, не без того, сплетничали. Когда Дима окончил школу, в Грузии начались трудные времена. Его тетка была замужем за профессором Московского университета, поэтому было решено отправить

Диму в Москву, где он, что скрывать, не без помощи своего родственника поступил на юридический факультет. Однако был заключен договор: дядя помогает при поступлении, а потом умывает руки. Дима слово сдержал. Учился, сам решал свои проблемы, и ни разу дяде не пришлось за него просить. А дальше — служба, занятия по самбо и карате, задания и операции, которым он потерял счет. В свои сорок два года он ни разу не был женат, хотя и предпринимал кое-какие попытки в этом направлении. Но как-то не складывалось. То будущую жену не устраивал его образ жизни, то его пытались переделать под себя, превратив в дрессированную собачку, с готовностью выполняющую команды хозяйки, то он сам, после очередного похода по магазинам с ужасом понимал, что еще одна такая вылазка, и он ее просто убьет. В конце концов, он оставил попытки создать семью, решив, что, то ли он сам не создан до этого, то ли женщины ему попадались не те. Сейчас он был вполне доволен жизнью и менять ничего не собирался. Уже несколько лет Дмитрий не принимал непосредственного участия в операциях. Но сейчас был другой случай. Когда-то он учился с Александром Мгеладзе в одном классе, и когда тот попал в поле зрения спец служб, именно Дмитрию поручили его разрабатывать. А несколько месяцев назад Александр сам связался с бывшим

одноклассником и попросил о помощи в обмен на всю имеющуюся у него информацию.

В период кризиса у Александра Мгеладзе возникли серьезные проблемы в бизнесе, и очень хороший знакомый, Алекс Погодин, являющийся руководителем крупного благотворительного фонда, и как выяснилось уже позже, глава Российского отделения секты, ненавязчиво предложил ему свою помощь. Финансовые операции проводились с нарушением законов, Александр сильно рисковал, но спасти бизнес и в Грузии и в России ему удалось. Однако после этого ему пришлось оказывать необременительные услуги Погодину. Александр был достаточно умен, чтобы не понимать, что рано или поздно от него потребуют большего. Осторожно стал выяснять, что в действительности представляет собой благотворительный фонд. Он узнал достаточно, чтобы осознать, во что он что влип. Но его деятельность не осталась незамеченной организацией, ему недвусмысленно намекнули, чтобы он не совался туда, куда не просят. На какое-то время Александра оставили в покое. Но потом неожиданно посоветовали ему познакомиться с Ириной, а затем жениться на ней. Александр был просто в шоке: он совсем недавно развелся, радовался свободе и не собирался связывать себя новым браком. Тем более, что сын

остался жить с ним и достаточно тяжело переносил отъезд матери, уехавшей в Лондон. Он попытался возразить, но перед ним выложили документы по его незаконным сделкам. Их обнародование означало бы для него полный крах. Ему пришлось согласиться. Разглядывая фотографии Ирины и изучая ее личные страницы в социальных сетях, Александр не мог понять, зачем она могла понадобиться организации. Ее досье, которое ему принес руководитель грузинского отдела организации Вадим Раневич, тоже ничего не объясняло. В политику не лезет, не богата, разведена, живет с родителями, обожает дочь, любит животных, сохранила чувство юмора, несмотря на то, что личная жизнь не задалась. Независима. Нравится мужчинам, но нимфоманией не страдает. Самодостаточна. Образованна. На всех фотографиях на ней православный крестик, в Фейсбуке — фотографии грузинских православных храмов и церквей, сделанных собственноручно. Поэтому его версия о ее причастности к секте тоже отпадала.

Была тщательно организована якобы случайная встреча с Ириной. В кафе, где она сидела с друзьями, он должен был с ней познакомиться, действуя по ситуации. Но вышло еще лучше. Она ушла из кафе одна. Остальное было делом техники. Они начали встречаться. Вначале он ее ненавидел и

изо всех сил старался это скрывать, потом ему стало интересно, потом ему понравилось. К тому времени, когда он сделал предложение, он забыл про свою ненависть, и ему стало легко. Его сын Давид, к его удивлению, принял Ирину хорошо, она умела держаться с ним на равных. Дочь Ирины, Вика, была необыкновенно светлым ребенком, Давид сразу стал ее опекать. Вскоре у детей появились секреты, делиться которыми они с ним не собирались. Хотя с Ириной дети шушукались по вечерам, и она была в курсе дел обоих. Она стала ему хорошей женой, верным другом. Она нравилась его друзьям и партнерам, и они с удовольствием бывали в его доме, рассказывали ей новости и свежие анекдоты, приводили к ней своих жен и подруг. Она стала своей, не прикладывая к этому никаких усилий. Вопреки его ожиданиям жизнь не рухнула, а стала намного приятнее. Он с удовольствием приходил по вечерам домой, ему было комфортно и тепло. А потом он поймал себя на мысли, что с нетерпением ждет, когда дети отправятся спать и он окажется с Ириной в жаркой темноте спальни. И он все реже и реже мучился вопросом «зачем?»

Но как-то вечером по телевизору шла передача о какой-то религиозной секте. Бурная реакция Ирины его удивила:

— Ненавижу! Сволочи! Дурят людям головы,

а на уме только деньги и грязь. А самое противное, что они вовлекают в это детей и ломают им жизни! — вскричала она.

— Ты чего так разбушевалась? — Насторожился Александр.

— Сталкивались с Викой с подобной гадостью два года назад. Чуть не убила тогда урода педофила. — При этих словах Ирины сидящая за столом Вика побледнела.

— Рассказывай! — потребовал Александр.

Ирина села на диван, закурила. Он видел, что ей неприятна эта тема.

Вика подсела к Ирине, нырнула к ней по руку, потерлась лбом о плечо. Ирина прижала к себе дочь, нервно затушила недокуренную сигарету и начала рассказывать.

* * *

Они сидели во дворе дома Ирины и чистили мушмулу, которую только что собрали с приземистого широко дерева.

— И не надоело тебе из года в год в одно и то же место ездить, — спросила Мзия, старательно очищая мушмулу от кожуры. — Давай в пансионат поедем. Это в горах, автобус два раза в день на пляж и с пляжа привозит и увозит, воздух чудный, природа, трехразовое питание, — уговаривала она

Ирину.

Ирина задумалась. Дороговато получается, но зато не надо думать о том, что и где купить, что приготовить, не надо дожидаться своей очереди, пока другие жильцы освободят плиту, на которой из четырех конфорок работало только две. И горный воздух Вике будет полезен. И она сама от всего отдохнет.

— Поедем. Надоело каждую копейку считать. — Решила она. — Когда?

— После десятого августа. — оживилась Мзия, беря следующую мушмулу. — Вкусная какая в этом году, оторваться не могу, — улыбнулась она, надкусывая кисло сладкую желтую мякоть.

— Ешь на здоровье, вон ее сколько, — Ирина кивнула в сторону развесистого дерева, увешанного золотистыми плодами. — А почему так поздно? — вернулась она к разговору.

— Понимаешь, туда детей какая-то организация каждое лето возит. Пока они там, очень шумно. А десятого они уедут, и останется нормальная публика: туда семьями приезжают, молодежи много. И Викуше будет нескучно. — охотно объясняла Мзия. — Мы детективов привезем, будем сами по себе, а дети будут отдельно развлекаться. Мой Сандро дни считает до поездки, так ему в прошлом году понравилось.

Четырнадцатилетний Сандро был сыном

Мзии. Она овдовела несколько лет назад, и с тех пор Сандро стал главными мужчиной в ее жизни. Вика и Сандрик дружили, ходили друг к другу в гости, катались на лыжах в Бакуриани. Санро увлекался паркуром и пытался втянуть в это занятие Вику, но тут воспротивилась Ирина, дала Сандрику подзатыльник, сказав, что протезов для человеческих конечностей еще не придумали, поэтому дочь будет заниматься менее травматическим видом спорта. Так попытка Вики свернуть себе шею была пресечена на корню.

Прошла неделя. Ирина с Викторией готовились к отъезду. Наконец билеты были куплены, вещи сложены, и они дружной компанией в предвкушении моря, загара и двухнедельного безделья покинули жаркий и пыльный августовский Тбилиси.

— Мамуль, прелесть какая! — были первые слова ее дочери, когда они все выгрузились из такси.

Ирина огляделась. Пансионат был чудный. Старые здания годов пятидесятых. Вокруг горы, лес, сквозь густые лапы елей внизу серебрилось в лучах утреннего солнца море, тишина, воздух, от чистоты которого начинала кружиться голова. Их уже ждали. Садро схватил два самых тяжелых чемодана, и помчался в корпус, не дожидаясь, пока женщины разберутся с мелкими вещами, зонтиками

и шляпами.

Столовая была большая и светлая. За обедом собрались все. Отдыхающих было человек сорок. Больше пансионат не вмещал. Поэтому почти все друг друга знали, весело переговаривались через столики, для детей и молодежи был накрыт отдельный длинный стол. Сандро сразу потянул Вику туда. Она бросила на Ирину умоляющий взгляд.

— Нечего! — пожала плечами Ирина. — Привыкай без меня!

Через минут десять Ирина увидела, как дочь весело болтает с новыми знакомыми и даже не вспоминает о ней.

— Видишь, как хорошо, — заметила Мзия, — а то не отклеить было от тебя.

После обеда они сидели на скамейке в деревянной беседке.

— Здравствуйте, — поздоровалась с кем-то Мзия. К ним подошла довольно странная, как показалось Ирине, пара. Он, лет тридцати пяти, коренастый, крепкий, мужчина с тяжелым подбородком и таким же тяжелым взглядом глубоко посаженных глаз, и она — маленькая, щуплая, похожая на подростка женщина, держащая на руках ребенка лет трех.

— Познакомьтесь, это Ирина, моя близкая подруга, — это Олег, Инна и их сын Лаша. Мы в

одно время отдыхали здесь в прошлом году — представила их друг другу Мзия.

Завязался легкий разговор ни о чем. Подбежала запыхавшаяся Вика:

— Мама, можно мы на пляж пойдем? — Сандро с несколькими ребятами и девочками стоял в сторонке, в ожидании разрешения Ирины.

— Иди. — Кивнула Ирина, потом повернулась к Сандро. — Санрик, проследи, пожалуйста, чтобы она не слишком в воде бесилась.

— Эта ваша дочь? — спросил Олег. — Почему бы ей не приехать сюда в следующем году вместе с нашими детьми?

На вопросительный взгляд Ирины Мзия достаточно сухо пояснила:

— Олег — глава организации, которая привозит сюда летом детей.

— И что это за организация? — поинтересовалась Ирина.

— Это благотворительная организация. Мы привозим сюда детей, двумя потоками. Дети приезжают сюда практически бесплатно, им обеспечено четырехразовое питание, на десять человек два воспитателя, днем педагоги проводят с ними занятия. Безопасность детей мы гарантируем. Так что вашей девочке будет у нас хорошо. — стал охотно объяснять Олег.

При слове «занятия» Ирина насторожилась: —

Какого рода занятия вы проводите?

Олег слегка замялся: — Ну общего характера, по всестороннему развитию: культура, религия...

— И кем финансируется ваша организация? — продолжала допытываться Ирина, уже догадываясь, что к чему. Мзия незаметно для других сделала подруге страшные глаза.

— В Соединенных Штатах есть серьезная...

— Нет, спасибо! — не дала договорить ему Ирина. — Я не признаю никаких сект, и мой зять давно внушил мне мысль, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Так что вы обратились не по адресу. — Открыто нахамила она.

Олег побагровел, а его жена отвела в сторону испуганные глаза.

— Ну, дорогая, ты в своем амплуа. — Констатировала Мзия, когда они остались одни. — Этот Раневич — мерзкий тип, мне еще в прошлом году о нем местные рассказывали, просто я тебя предупредить не успела.

— Ты думаешь, если бы я знала о нем заранее, вела бы себя по-другому? — рассмеялась Ирина. — Пошел он к черту со своей сектой!

Несколько дней прошли замечательно и без происшествий. С Раневичами она сдержанно здоровалась при встрече за завтраком, а потом забывала об их существовании. Но однажды Вика зашла в комнату и раздраженно бросила:

— Достал меня этот Раневич. В день сто раз рассказывает, как хорошо его дети проводят время в летнем лагере, говорит, что я должна рассказать о нем своим подружкам, он всех примет и тому подобное...на пляже все время со мной сидит, за руки берет, смотрит противно. Стыдно становится. Сандрик и мальчики говорят, что его отделать надо...

На следующий день Ирина нашла Раневича в беседке. Он сидел один, без жены и ребенка, уткнувшись в потрескивающий и квакающий мобильник. «Играет» — догадалась Ирина. Она бесцеремонно выхватила у него из рук дорогую игрушку. От такой наглости он опешил.

— В общем так, — раздельно заговорила она, вертя в руках телефон. — Если вы не оставите мою дочь в покое, я вас уничтожу, и никакие американские дядюшки вам не помогут. — Ирина бросила мобильник на скамью возле него. Раневич взял его, аккуратно выключил, положил в карман, поднялся со скамьи и, глядя Ирине прямо в глаза, рассмеялся. От этого смеха у Ирины застыла кровь в жилах и вспотели ладошки.

Утром она вышла на завтрак. Ирина оглядела столовую. Нашла Раневича... и еле сдержала злорадный смех: глаз у него заплыл, розоватый синяк расползлся от глаза к щеке, обещая к вечеру оформиться и почернеть, губа рассечена, вилку

держит неуклюже, морщится от боли при каждом движении. Глаза злые, ловят любопытные взгляды, бросаемые исподтишка отдыхающими.

После завтрака Ирина подошла к Раневичу:

— Кто это вас так? — спросила она с деланным сочувствием. Инна стояла рядом с мужем, боясь поднять глаза. Раневич молчал. — А как ваш сын? Надеюсь, хорошо? — почему-то вырвалось у Ирины. Раневич позеленел.

— Ты прочему его про сына спросила? — дернула ее за лямку сарафана Мзия.

— Понятия не имею. Просто так. — Отмахнулась Ирина. — Пошли, а то на автобус опоздаем.

На пляже царило необъяснимое веселье. Молодежь, собравшись в плотную кучку, заливалась смехом и перешептывалась, дети при этом склоняли головы так близко друг другу, что ударялись лбами. В воду никто не торопился. Ирина тихо подошла к ним.

— Может, и мне расскажете? — головы испуганно поднялись, и на Ирину устремилась дюжина растерянных глаз. — Это вы с Раневичем? — догадалась она.

— А что он лезет, педофил? — произнес ломающимся голосом Сандрик. — Житья от него нет. Вика с нами плавает, он даже в воде к ней липнет, учит плавать. — Остальные одобительно

загудели.

— А если он в полицию на вас заявит? — поинтересовалась Ирина. — В тюрьму не угодите, конечно, вы несовершеннолетние, но на учет вас точно поставят и в школы сообщат. — Раздался дружный хохот. Один из новых друзей Вики, тот, кто постарше пробасил:

— Тетя Ирина, вы не бойтесь. Мы ему темную устроили. Одеядло сзади накинули и надавали...

— И чья идея? — спросила Ирина. Сандрик выступил вперед: — Я в кино видел про армию.

«Да, детки выдали показательную программу», — подумала Ирина.

— Хорошо, я никому, естественно, не скажу. А вы ведите себя тихо, как обычно, чтобы никто не догадался, от греха подальше. — С одной стороны, она беспокоилась за детей, но с другой... Она честно призналась себе, что испытывает удовольствие от того, что Раневич получил по заслугам.

Следующий день начался на удивление спокойно. Раневича за завтраком не было. Его жена тихо сидела за столом и кормила ребенка кашей. Потом все дружно, кроме нее и ребенка, погрузились в автобус и поехали на пляж. Ровно через три часа автобус вернулся, еще полчаса ждал, пока отдыхающие вылезут из воды, соберут разбросанные по всему пляжу полотенца и

купальники.

— Вы чего такой хмурый, дядя Автандил? — поинтересовался кто-то из ребят. Шофер повернул к пассажирам озабоченное лицо:

— Ребенок у нас пропал. — Произнес он мрачно. Оказалось, что потерялся маленький Лаша, сын Раневича. Весь персонал и отдыхающие, которые не пошли на пляж, в панике, не говоря о родителях. Его ищут по всей территории пансионата и по окрестностям, но его нигде нет. Ирина наклонилась к Сандрику.

— Опять ваших рук дело? — шепнула она ему в самое ухо.

Сандрик вытаращил глаза: — Да вы что, тетя Ирина! Мы вместе с вами в автобус садились, а мамашка с сыном еще кашу ели! Что мы беспредельщики, ребенка воровать!

Ирина задумалась. Действительно, все дети и взрослые были на виду друг у друга. С пляжа никто не уходил. К тому же в голосе Сандрика было такое неподдельное возмущение, что не поверить ему было невозможно. «А я еще вчера про ребенка Раневича спросила!» — ужаснулась Ирина.

На Раневича нельзя было смотреть. Синяк почернел и стал расплываться по всему лицу, взгляд безумный. Увидев Ирину, которая вышла из автобуса, он рванулся к ней.

— Ты... Ты... Это ты.... Ведьма! Где мой

сын! — прокричал он, трясясь всем телом и размахивая сжатыми кулаками.

Ирина отшатнулась. Ее закрыл собой один из знакомых:

— Вы что, обалдели? Причем здесь она? Весь день с нами на пляже в карты играла! — сказал он. — Лучше надо было за ребенком своим смотреть!

Раневич стоял, вытаращив глаза и беззвучно открывая рот. Ирина поспешила уйти от греха подальше.

Поиски продолжались еще часа два. Ирина держалась в стороне. Помочь она не могла, а лишний раз показываться на глаза разъяренному Раневичу как-то не хотелось. Она вышла из душа, когда за окном раздалось что-то вроде всеобщего выдоха. Она выглянула в окно. Пожилая благообразная женщина, явно из местных, вела за руку маленького мальчика. Это был Лаша.

— Слава Богу! — перекрестилась Ирина, искренне обрадовавшись.

Через какое-то время в комнату вбежала Вика и сообщила, что ребенок цел и невредим, мальчика нашла в поселке, расположенном ниже пансионата, местная жительница. Она увидела во дворе ребенка, который играл с ее кошкой. Почему и как он ушел, ребенок так и не смог объяснить.

На следующий день семейка уехала. Ирина

вздохнула с облегчением, от всей души надеясь, что ни она, ни Вика не встретятся с Раневичем никогда.

Наступил сентябрь. Вика пошла в школу. Не прошло и месяца, как дочь вернулась домой бледная и злая. Бросила на пол портфель, залпом выпила полный стакан воды и плюхнулась на стул с такой силой, что он заскрипел и зашатался.

— Ты чего? — Удивилась Ирина. — Двойку схватила?

— Какую двойку, мама? — почти закричала дочь. — Раневич проклятый опять!

Ирина выронила из рук полотенце. Вика, не дожидаясь ее вопросов, начала рассказывать, глотая слова:

Пришли девчонки и стали говорить о том, что как здорово было бы нам всем вместе бесплатно отдохнуть на море. Я спрашиваю, «Это как?» А они мне то же самое, что Раневич говорил. Я им: «Вы спятили? Это же секта!» А после уроков из школы выхожу, а там он стоит. Урод! Меня аж передернуло. А он мне: «Какая ты красивая!» А я в такси села и домой поехала.

Ирина едва дождалась утра и вместе с Викой вошла в кабинет директора школы. Слава Богу, она оказалась адекватной женщиной. Ирина подробно рассказала ей про встречу с Раневичем, про секту. Директриса слушала ее внимательно, все поняла правильно.

— Не волнуйтесь, мне сектанты в школе не нужны. И спасибо, что поставили меня в известность. Я приму меры, — успокоила она Ирину.

Директриса предупредила охрану, поговорила кое с кем где-то наверху. И когда Раневич пришел снова, она вытолкала его взащей, сказав, что в следующий раз вызовет полицию. К тому же ему позвонили серьезные люди, предупредив, что педофилов ну очень не любят, и чтобы он больше в школу не совался. С тех пор Раневич не появлялся, но Ирина с дочерью еще долго дергались. Вика боялась одна ходить по улицам, а Ирина каждые полчаса звонила ей, узнавая, как у нее дела.

* * *

— В конце концов, что я могла? Только угрожать. Да, если бы, не дай Бог, с Викторией что-нибудь случилось, я бы его точно убила. Но ей же это уже не помогло бы?! — голос Ирины задрожал.

Саша смотрел на Ирину: натянута, как струна, руки нервно сжаты, а лицо, как у разъяренной волчицы, защищающей своих детенышей. «Если она так смотрела на Раневича, понятно, почему он испугался. Тогда ее просто опередили события, а то она бы его точно убила, даже не убила, а

перегрызла бы ему глотку. И становится понятен его интерес к ней. Но почему жениться на Ирине ему велели в Москве? Значит, в своих извращенных чувствах Раневич зашел так далеко, что даже там ведет нечистую игру».

В нем росла злость. Он никогда не сомневался, что его использовали в грязных целях, но что в настолько грязных и отвратительных! Болезненная страсть к подростку, маниакальное желание убрать с пути все преграды. Но какая роль в этом жутком представлении отведена ему? Александра передернуло от отвращения. Не дождутся. Раневичу нужна Вика, а организации — его деньги. Не дождутся. Он придумает, как защитить свою семью.

Ему надо было незаметно, понемногу выводить деньги из бизнеса, который к этому времени уже контролировался организацией. Он уже открыл на имя Ирины фирму, занимающуюся переводами. Но этого было недостаточно. В течение нескольких лет ему удалось перевести на сына, Вику и жену достаточно крупные суммы, купить Давиду квартиру в Лондоне, Вике уютную квартиру в Москве. Ирина мечтала о собственном доме на берегу моря. И этим летом он закончил строить для нее загородный дом на Черноморском побережье. Она была счастлива, занимаясь покупкой мебели и интерьером и выясняя

отношения с рабочими. Все лето она провела там, на берегу моря, и почернела под солнцем так, как никогда.

Постепенно Александр собрал достаточно информации и фактов о деятельности организации и ее руководителях. Ему нужно было передать ее соответствующим службам, но делать это напрямую было опасно. Наведя кое-какие справки, он узнал, что его бывший одноклассник, Дима Самойленко, работает в ФСБ. Саша связался с ним через его двоюродную сестру, по ее же телефону договорился с ним о встрече в Москве, куда поехал по очередным делам, и там, на конспиративной квартире, передал ему документы и обо всем рассказал.

— Да, брат. Сюжет для романа, Чейз отдыхает. — Сказал Дима, просматривая бумаги из переданной ему Сашей папки. — Документы хороши, — заключил он. — Эти сволочи прекрасно конспирируются. У них связи во всех структурах. Мы знаем много, а доказать не можем. Твои бумаги — это не бомба, конечно, но на хорошую гранату потянут. — Дима улыбнулся. — Прорвемся. И твоим постараемся помочь.

Они встречались еще несколько раз. Перед самым отъездом в Тбилиси Алесандру позвонил учредитель Российского благотворительного фонда Алекс Погодин, который настоятельно просил не

уезжать, не повидавшись с ним. Его голос и тон насторожили Александра. Он отправился на встречу, предчувствуя, что разговор будет не из легких.

Во время обеда традиционно молчали о делах. Наконец, Погодин заговорил:

— Мои люди проверяли дела на твоих фирмах и твои финансовые операции. Оказалось, что в течение двух лет ты переводишь деньги на оффшорные счета и на членов своей семьи. Покупаешь квартиры, дачи. — он выжидающе посмотрел на Александра. Саша разозлился:

— Ты, наверное, забыл, что это мой бизнес и мои деньги, и я могу делать с ними все, что захочу. И я не обязан ни перед кем отчитываться!

Погодин скривил тонкие губы:

— Это не совсем твой бизнес! Или ты забыл, кто вытащил тебя из дерьма?

Саша поморщился.

— Не надо уголовных шаблонов. Вы с этого тоже имели хороший процент. Я перечислил достаточно денег в ваши фонды!

Погодин встал, подошел к окну, постучал костяшками пальцев по стеклу.

— Мне не нравится твой тон! Когда мы были тебе нужны, ты говорил по-другому! А может, тебе снова напомнить, как ты спасал твой бизнес? — не оборачиваясь к Александру, произнес он.

Александр почувствовал, что в нем закипает ярость.

— Не надо мне ничего напоминать, у меня хорошая память. Но и вы не забываете о размере тех сумм, которые я вам отваливал! И я собираюсь платить вам дальше. Но не надо переходить границ! Хватит и того, что вы женили меня против моей воли! — он даже не пытался сдерживать раздражения.

Погодин рассмеялся:

— Раневич уверял, что твоя жена нам нужна. Я, конечно, не такой дурак, чтобы верить в его басни. Там что-то личное, но я вникать не собираюсь. Он много для нас делает, так что, пусть тешится. — Он пытливо посмотрел на Александра. — Ты, как мне говорили, не выглядишь несчастным. Или так хорошо притворяешься? Ладно, — Погодин неожиданно сменил тон и заговорил медленно и с расстановкой, — Не надо с нами играть, ты же понимаешь, себе дороже выйдет. Подумай о сыне.

— Не надо мне угрожать, — тем же тоном ответил Саша. — Если с Давидом что-нибудь случится, вам тоже мало не покажется. Я ведь не с луны свалился, и знаю, с кем имею дело. Неужели ты думаешь, что я не подстраховался? Так что, давай конструктивно: я по-прежнему перевожу в ваш фонд деньги, а остальное вас не касается. Вам